

Финалист
The Women's Prize for Fiction
Книга года, по версии
Los Angeles Times и *The Guardian*

ДЖЕННИ ОРФИМ ПОГОДА

«Великолепный,
головокружительный,
сбивающий с толку роман,
часто вызывающий хохот».

USA Today

Дженни Оффилл

Погода

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68608110

Погода: Лайвбук; Москва; 2023

ISBN 978-5-907428-63-8

Аннотация

Проницательный роман о том, каково это – существовать в бурных потоках информации в предчувствии глобальной катастрофы. Лиззи, много лет работающая в библиотеке, теперь взялась еще и отвечать на письма, приходящие на почту подкаста про то, что весь мир летит в тартарары. Сюда пишут только психи и нытики – так она оказалась в океане страхов и домыслов про изменение климата и конец цивилизации. А в это время врач прописывает Лиззи пластинку от скрежетания зубами. Ее муж читает под одеялом историю древней войны. Спящая собака дергает лапами, как будто куда-то бежит. Сын спрашивает: «А ты точно моя мама? Иногда ты очень злая». Похоже, жизнь – это сплошное безумие, но чудо в том, что в этом абсурдном мире все связано. Обманчиво легкая, написанная короткими абзацами-зарисовками, как будто на бегу, книга напичкана острыми наблюдениями, поразительными фактами и по-настоящему сложными чувствами.

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дженни Оффилл

Погода

Посвящается Лидии

*Заметки городского собрания в Милфорде,
Коннектикут, 1640:*

«Большинством голосом постановлено, что земля принадлежит Господу во всей целости своей; большинством голосов постановлено, что земля дарована Святым; большинством голосов постановлено, что Святые – это мы».

Weather A novel
Jenny Ofëll

*This edition is published by arrangement with Union Literary
and The Van Lear Agency LLC.*

Дизайн обложки и иллюстрации Ксении Волковой

Copyright © 2020 by Jenny Ofëll

© Юлия Змеева, пер. на русский язык, 2022

© Livebook Publishing, 2022

Часть первая

Утром заходит просветленная. У просветления несколько стадий; ей кажется, она на предпоследней. Эта стадия не поддается описанию; назвать ее можно только японским словом. Слово означает «ведро черной краски».

Подбираю книги для отчаявшегося адъюнкт-профессора¹. Тот уже одиннадцать лет пишет диссертацию. Я пачками выдаю ему бумагу. Канцелярские зажимы и ручки. Диссертация посвящена философу, о котором я никогда не слышала. Малоизвестный, но «оказавший важнейшее влияние на развитие философской мысли». Малоизвестный, но важнейший, вот как!

Вчера жена адъюнкт-профессора повесила записку на холодильник. «Твое занятие приносит деньги?» – написала она.

Человек в поношенном костюме не хочет, чтобы ему уменьшили штрафы. Он рад поддержать наше учреждение. После обеда заходит блондинка с ногтями, обгрызенными до мяса, и уходит, набив сумку туалетной бумагой².

Решаюсь заговорить с одним посетителем о вакцинации, с другим – о позднем капитализме. «Вам не хочется, чтобы вам снова было тридцать?» – спрашивает одинокий и пе-

¹ *Адъюнкт-профессор* – научный сотрудник на неполный рабочий день, по сути, заместитель или помощник профессора.

² Оказывается, воровство туалетной бумаги в нью-йоркских библиотеках – очень распространенная беда. Библиотекари даже вешают предупреждения в туалетах, что воровство бумаги – уголовное преступление.

чальный инженер. «Никогда», – отвечаю я. А потом рассказываю анекдот про путешествия во времени.

Путешественников во времени не обслуживаем.

Путешественник во времени заходит в бар.

По пути домой прохожу мимо продавщицы вертушек. Их иногда покупают обкуренные студенты. «Сегодня ничего не продала», – говорит продавщица. Покупаю Илаю вертушку. Она синяя с белым, но когда крутится, становится просто синей. Не забудь менять четвертаков, напоминаю я себе.

Четвертаки мне меняет Мохан из лавки на углу. Я замечаю, что у него красивая новая кошка, а он говорит, что видит ее впервые. Но, пожалуй, оставит, ведь жена его разлюбила.

«Жаль, что ты не настоящий психотерапевт, – говорит муж. – Мы бы тогда разбогатели».

* * *

Генри опаздывает. А я, между прочим, специально арендовала машину, чтобы не опоздать. Наконец он приходит, насквозь мокрый. Ни плаща, ни зонтика. На углу останавливается, отдает мелочь женщине в пончо из мусорных мешков.

Брат однажды сказал, что скучает по наркотикам, пото-

му что те заглушали голос мира, который постоянно от него чего-то требовал. Понимаю, сказала я. Мы как раз ходили по супермаркету. Здесь каждая вещь требовала обратить на нее внимание. Но за ужасной музыкой голоса вещей были не слышны.

Я попыталась быстро его согреть: взяла ему суп и кофе. Подумала, что он хорошо выглядит. Взгляд ясный. Официантка приносит новый кофейник, кокетничает с Генри. Мою маму раньше на улице останавливали. Говорили: *с такими-то ресницами надо было родиться девочкой! А то какой от них прок.*

К супу приносят бесплатный хлеб. Я съедаю три куса, а брат рассказывает о своем собрании анонимных наркоманов. Одна женщина вскочила и стала возмущаться насчет антидепрессантов. Больше всего ее возмущало, что люди неправильно их утилизируют. У червяков из канализации взяли пробы и выяснили, что они все напичканы паксилом и прозаком.

А потом этих червяков съедают птицы и не хотят улетать в теплые края. Они строят очень красивые гнезда, но не спешат спариваться. «Но им же стало лучше? – спрашиваю я. – Они стали больше успевать?»

* * *

Окно в спальне открыто. Если высунуться наружу и вы-

вернуть шею, видно Луну. Древние греки считали Луну единственным небесным телом, похожим на Землю. И думали, что там живут звери и растут растения в пятнадцать раз выносливее и крепче.

Сын приходит и говорит: мам, сейчас тебе кое-что покажу. И показывает пачку жвачки, но на самом деле это розыгрыш. Берешь жвачку, а из пачки выскакивает пружинка. «Смотри, больно будет», – предупреждает он.

Ай.

Я зову его посмотреть в окно. «Это убывающая Луна», – говорит Илай. Он знает про Луну столько, сколько я не узнаю никогда. В старом садике их учили песенке про фазы Луны. Иногда он поет ее нам за ужином, но только если мы не просим.

Хоть с Луной все будет в порядке, думаю я. Хоть о Луне никто не тревожится.

* * *

У входа в школу нас встречает тетя с рупором. Предупреждает родителей, чтобы не входили и оставляли детей за красной чертой. «Безопасность прежде всего! – кричит она. – Безопасность прежде всего!»

Но Илай иногда плачет, когда его оставляют в шумной толпе. Он не любит один идти через огромную столовую. Однажды он застыл посреди зала и стоял так, пока кто-то из

сотрудников не взял его за локоть и не увел на место.

Поэтому сегодня мы пробегаем мимо тети с рупором и направляемся сразу к месту сбора. Друг Илая уже сидит за столом и ест печенье в виде зверушек; Илай не плачет, зато у выхода на меня набрасывается тетка с рупором. «Родителям входить запрещено! Нельзя сопровождать детей!»

Как же она любит свой рупор. Когда она на меня орет, что-то во мне закипает, но я выхожу на улицу и говорю себе: забудь.

Я запрещаю себе думать, что школа большая, а Илай маленький. Я уже делала эту ошибку раньше, в другие дни. Пора бы привыкнуть, но иногда страх возвращается.

* * *

Весь день меня осаждают ворчливые профессора. Самые противные – те, что с пожизненным контрактом. Лезут без очереди сдать книгу или первыми вписывают свое имя в список ожидания. Согласно исследованиям, 94 % профессоров колледжей считают свою работу сложнее любой другой.

На днях нам выдали брошюру. «Правила поведения с проблемными посетителями». Профессоров в брошюре даже не упомянули. Среди «проблем» указывались следующие:

Неприятный запах

Пение

Смех

Порча имущества

Обман

Агрессия

Громкие разговоры

Одиночество

Кашель

Но к какой категории отнести старичка, который требует, чтобы я дала ему пароль от его электронной почты? Я пытаюсь объяснить, что не могу знать его пароль, что только он его знает, но он лишь недовольно качает головой, мол, что это за сотрудники такие, совсем не помогают.

* * *

На автобусной остановке висит плакат с портретом Сильвии. Она приезжает с лекцией в студгородок. Много лет назад я у нее училась, потом бросила университет. С тех пор она иногда интересовалась моей судьбой, проверяла, по-прежнему ли я растрачиваю свой потенциал. И всякий раз убеждалась, что растрачиваю. В конце концов она потянула за ниточки и устроила меня на эту работу, хотя у меня нет библиотечарского образования.

По пути домой слушаю ее новый подкаст. Новый эпизод называется «Все трещит по швам». На самом деле, все эпизоды подкаста Сильвии могли бы называться «Все трещит по швам». Она наводит панику, но я все равно ее слушаю ради

одного только голоса. Он меня успокаивает, даже когда она рассуждает о невидимых всадниках апокалипсиса, несущихся к нам во весь опор.

Повсюду мы видим явные признаки падения и деградации. Но наша индустриальная цивилизация так огромна и простирается так далеко...

Я смотрю в окно. Вдалеке кто-то или что-то, прихрамывая, ковыляет к деревьям.

* * *

Открывается дверь; Илай бросается мне навстречу. Помогаю ему очистить ладошки от клея, а потом он возвращается к игре. Это самая популярная игра. Трехмерный мир, который строишь сам, – так муж сказал. Развивающая, в общем.

Мне нравится за ними наблюдать. Они возводят здания из кирпичиков, а потом раскладывают внутри «минералы», добытые кирками, которые тоже сделали сами. Строят зеленые поля и выращивают кур на убой. «Я убил курицу!» – кричит Илай. «Уже поздно», – говорит Бен.

В почте счета и реклама супермаркетов. Журнал, адресованный прежнему жильцу. «Как помочь близким с депрессией?» – гласит надпись на обложке.

Что можно говорить:

Мне жаль, что тебе плохо. Я тебя не брошу. Я буду заботиться о себе; ты можешь не волноваться, что твоя боль передастся мне.

Что лучше не говорить:

Просто выпей ромашкового чая.

* * *

Разрешаю брату выбрать фильм, но он выбирает такой тупой, что смотреть его невозможно. В кино всегда грянет страшная катастрофа, и предотвратить ее может только один человек – тот, от которого меньше всего ждешь геройства.

После кино гуляем в парке. Он встретил девушку. Но думает, что ничего не получится. Она совсем на него не похожа. Вскоре до меня доходит, что они даже не ходили на свидание. «А ты хочешь встречаться с кем-то, кто на тебя похож?» – спрашиваю я. Генри смеется: «Боже упаси».

Когда я впервые попала к Сильвии на лекцию, та рассказывала об ассортативном спаривании. Люди спариваются с себе подобными – депрессивные с депрессивными и так далее. Проблема ассортативности в том, что на первый взгляд выбор кажется правильным. Как будто находишь замок, к которому твой ключ подходит идеально, дверка открывается, и ты попадаешь в комнату. Но хочешь ли ты провести в этой комнате всю жизнь? Вот в чем вопрос.

Рассказываю брату, что мы с Беном всегда обращаем внимание на разные вещи. Например, однажды я пришла домой, а он подходит ко мне радостный и говорит: наконец их сняли! Кого сняли, спрашиваю. Оказалось, на фасаде нашего дома три года были строительные леса, а теперь их сняли. А я на прошлой неделе рассказываю ему про парня из квартиры 5С, а он говорит: погоди, какой торговец наркотиками?

* * *

Прихожу домой. Собака просит дать ей кубик льда. Я даю, и она возит миску по всей кухне. «Как прошел день?» – спрашиваю Бена. Тот поводит плечами. «Работал. Стирал».

На столе свидетельства его подвига – башня сложенного чистого белья. Вижу в ней свою любимую рубашку и не самые застиранные трусы. Иду в спальню и надеваю их. Чувствую себя человеком.

На третий день после свадьбы королева Виктория написала: «Мой дорогой Альберт помог мне надеть чулки. Потом я смотрела, как он бреется, и это было прекрасно».

Звонит мама и говорит со мной о свете, виноградных лозах и хлебе на живой закваске.

В семь утра Илай играет с собакой в резиновую лягушку. Я забираю ее и кладу на холодильник. «Пора! Бери рюкзак!» – кричу я. Собака подозрительно смотрит на меня, положив голову на лапы. Быстро провожу расческой по волосам Илая. Тот морщится и убегает. «Пора! Надевай ботинки!» – кричу я. Наконец мы выходим.

Миссис Ковински пытается сказать мне что-то про лифты, но мы пробегаем мимо. Идти десять кварталов. Я иду слишком быстро и тащу Илая за руку. Так нельзя, я знаю, но если он опоздает, мне потом на работе длинную очередь стоять.

Последний забег через детскую площадку, и мы успеваем. Я запыхалась, вспотела и расстроилась из-за спешки. Целую Илая в макушку, пытаюсь как-то компенсировать беготню. Почему я завела только одного ребенка? Больше детей – больше шансов.

Другие мамы в школе умнее меня, они завели больше одного. Они толпятся у забора. Говорят, кажется, на урду. Одна из них мне улыбается, а я машу ей рукой.

Какой она меня видит, думаю я, глядя на свою невзрачную одежду и очки в дорогой оправе. На прошлой неделе эта мама принесла для школьной лотереи целый мешок шелка – красного, расшитого золотой нитью. Илай хочет выиграть его и сделать плащ супергероя. Я знаю, как пишется имя этой

мамы, но как произносится – не знаю.

* * *

Эта женщина – психотерапевт. И буддистка. Она любит бравировать этим передо мной, я заметила. «Вам, кажется, свойственен тип восприятия “сверху вниз”, а не “снизу вверх”. Как думаете, почему?»

Вам лучше знать, уважаемая.

По вторникам она ведет занятия по медитации в подвале. Может прийти любой, не только студенты и сотрудники университета. Я заметила, что Марго слушает не так, как я. Она внимательна, а, выслушав, не бросается сразу рассказывать «а вот у меня был случай».

Посетителей сегодня мало, и я помогаю ей подготовиться к занятиям. Мы раскладываем подушки для продвинутых и расставляем стулья для начинающих. «Оставайтесь», – говорит она, но я никогда не хожу на ее уроки. Не знаю, куда сесть.

* * *

Поздно вечером спрашиваю мужа: что с моим коленом? Оно щелкает при ходьбе. И болит, когда поднимаюсь по

лестнице. Он ест арахисовое масло ложкой. Кладет ложку в раковину и садится передо мной на колени, чтобы осмотреть ногу. «Так больно? – он слегка надавливает на колено. – А так? А так?» Я машу рукой – мол, может, болит, а может, только чуть-чуть. Он встает и целует меня. «Рак колена?» – шутит он.

Зависимость от снотворного тем хороша, что ее не называют зависимостью; просто организм «привыкает».

* * *

В наши дни людям только дай волю поумничать. Вот, например, человек на лестнице в библиотеке решил прочесть мне лекцию про мой бутерброд с ветчиной. «Вы хоть знаете, что свиньи умнее собак и лучше поддаются дрессировке? А коровы понимают причинно-следственные связи!» Да кто тебя спрашивал, думаю я, но бутерброд все равно убираю. Съем потом.

А вот мужчина в поношенном костюме рассказывает интересное. Он работает в хосписе. Говорит, что, когда умирает близкий человек, очень важно быть дома три дня одному и никуда не выходить. Потому что в это время мертвые возвращаются в другом обличье. Например, его жена вернулась в виде ветерка, сдувшего бумаги со стола. Это просто чудо, просто чудо, говорит он.

На лифте объявление: «Не работает». Стою и смотрю на него, словно что-то изменится. В подъезд заходит миссис Ковински. В наше время управляющим может стать кто угодно, говорит она. Кто угодно.

Забираю почту, оттягивая момент, когда придется подниматься по лестнице. Дорогой платный садик до сих пор присылает нам свою рассылку. В этот раз – про десять самых распространенных детских страхов. Темноты среди них нет. Под номерами 8, 9 и 10 значатся кровь, акулы и одиночество.

Захожу в квартиру. Собака спит под столом. Илай складывает лист простой белой бумаги. «Не смотри, – приказывает он. – Это мое изобретение. Никто, кроме меня, никогда не узнает, что это».

Я не смотрю. Ставлю корм и воду для собаки, без особой надежды заглядываю в холодильник. Окно открыто. На улице хорошо. На площадке пожарного выхода нет голубей. От эксперимента с помидорами остались горшки. «Вшшшш», – говорит мой сын.

Мой страх номер один – что время начнет идти быстрее. Это невозможно, но, клянусь, иногда мне кажется, так и есть.

* * *

«Хочешь перекусить»? – спрашивает Кэтрин. Я не знаю, что ответить, потому что Кэтрин работает в рекламе. Они с братом познакомились, когда он записался в фокус-группу для исследования в ее агентстве. За сто долларов. Надо было придумать названия нового дезодоранта для детей младше десять лет. Брат придумал «Вонючий ангел».

До сих пор не могу поверить, что они встречаются, но на первом свидании оба заказали газировку. У людей из двенадцатиступенчатой программы это называется тринадцатой ступенью. Кэтрин раньше баловалась кокаином. Брат больше по таблеткам.

Я лучше подожду ужина, говорю я. Позже прохожу мимо ее стола и вижу папку.

Картофельные чипсы: амбициозность, успех, целеустремленность

Орехи: дружелюбие, эмпатия, понимание

Попкорн: лидерство, ум, уверенность в себе

Иду в гостиную, а там Бен грызет кешью.

* * *

Воскресное утро. Собака нашла в траве крольчонка. Взя-

ла в зубы и отпустила. Теперь мы пытаемся его спасти. Соседи дали коробку с подстилкой из мягкой тряпочки. Кролик весь трясется. Крови нет, но зубы оставили вмятины на шерсти. Пытаемся выпустить кролика в сад, но он уже умер. От страха, наверно.

Вечером Илай в истерике орет, чтобы мы пришли на кухню. Под раковиной мышиный череп, вопит он. Я хмуро смотрю на Бена – я-то думала, мы ловим и убиваем мышей тайком, чтобы сын не увидел. Тяжко вздохнув, он встает и идет посмотреть. Встает на колени и заглядывает под раковину. Мышиный череп оказывается засохшим куском имбиря. Мы спасены.

* * *

Не знаю, как быть с Джимми из службы аренды авто. Он сказал, что бизнес прогорел; никто не звонит. Пришлось отпустить всех водителей и оставить только одну машину. Он ночует на работе, чтобы не пропустить вызов. Жена грозит уйти.

Мистер Джимми. Так написано на карточке, которую он мне дал. Я теперь пользуюсь только его службой, хотя есть и лучше, и быстрее. Иногда звоню ему, он отвечает, а голос у него сонный. Он всегда говорит, что приедет через семь минут, но приезжает намного позже.

Раньше я брала машину, только если опаздывала, теперь

же специально закладываю для Джимми вдвое больше времени. На автобусе было бы быстрее или так же. И автобус мне по карману. Но что, если у Джимми не осталось клиентов, кроме меня?

Я опаздываю на лекцию. И ошиблась с корпусом. Прихожу почти к концу. Людей много. За спиной Сильвии график в форме хоккейной клюшки.

«Понятие “хороший человек”, “нравственный человек” формулируется по-разному во времена кризиса и в обычных обстоятельствах», – говорит она и показывает слайд: люди на пикнике у озера. Небо голубое, деревья зеленые, люди белые.

«Представьте, что вы пошли в парк с друзьями и устроили пикник. Само по себе это действие нравственно нейтральное, но если на ваших глазах в озере начнут тонуть дети, а вы продолжите есть и общаться, как ни в чем ни бывало, вас сочтут чудовищами».

Модератор дискуссии показывает, что пора закругляться. У микрофона выстроилась целая очередь. «У меня и вопрос, и комментарий», – говорит первый. В очередь встает молодая женщина. Маленькими шажками она продвигается вперед. Наконец доходит до начала очереди и задает вопрос.

«Как вам удастся сохранять оптимизм?»

После лекции у меня не получается пробиться к Сильвии. Слишком много народу. Я иду к метро и пытаюсь размышлять о мире.

Молодые люди переживают: а что, если все, что я делаю, бессмысленно?

Старые переживают: а что, если все, что я делаю, имеет смысл?

* * *

Почти два года мне удавалось избегать встреч с этой мамашей из старого садика. Иногда приходилось постараться. Особенно высоки были шансы наткнуться на нее в модной пекарне и фермерском кооперативе, поэтому там я всегда была начеку. Ее зовут Никола, а сына почему-то Каспер.

Когда она говорила про нашу начальную школу – бесплатную, по месту проживания, – она на одном дыхании восторгалась детками эмигрантов, которые там учились, и тут же рассказывала про репетиторов, которых наняла, чтобы ее сын мог скорее перейти в другую школу. А детей эмигрантов она называла «маленькими героями». Как будто они трубы чистили или разносили газеты прямиком из типографии.

А еще Никола носила с собой карточки с иностранными словами и, забирая ребенка после садика, давала ему яблоко или апельсин и проговаривала их названия по-французски. *Pomme. Orange.*

Илай ее обожал. Хотел, чтобы я так же красиво одевалась. И учила его иностранным названиям фруктов. Однажды я купила ему банан (по-французски: *banane*). Сказала, что он

может сдать тест, но никаких дорогих репетиторов я ему нанимать не буду.

Через несколько дней я наорала на него за то, что он потерял новый ланч-бокс. Он повернулся ко мне и сказал: ты точно моя мама? Иногда ты очень злая.

Я не стала обижаться, он же еще маленький. А уж теперь, спустя много лет, вспоминаю об этом совсем редко – раз или два в день.

* * *

Я наконец пошла на занятие медитацией. У меня болело колено, поэтому я села на стул. Просветленная сидела на подушке. Интересно, как она такой стала? В конце занятия она задала Марго вопрос или то, что считала вопросом.

«Мне повезло – я давно вышла за пределы ограниченного “я” и живу в мире тонких энергий. Но теперь мне сложно возвращаться в мир грубых энергий, тот, о котором вы только что говорили – где надо мыть посуду и выносить мусор».

Она была заметно беременна – месяце на шестом. Не волнуйся, подумала я; мир грубых энергий вот-вот придет по твою душу.

Тест Илай сдал хорошо. Для поступления в любую школу³ баллов не хватило, но нас записали в категорию ОРЕЛ. Что это такое, мне так и не сказали, но какая разница, ОРЕЛ – гордая птица! Для Николы этот тест был кульминацией годового труда. На следующий день после объявления результатов она сияла от счастья. Ну и неделька, сказала она. Мы только что узнали, что наш Каспер не просто умный – он *одаренный*.

Никто и не сомневался, сказала я.

Вскоре после этого Каспер пришел к нам в гости. Мальчики играли в лего, потом стали бегать и прыгать по диванам. Они играли в солдат и ниндзя; никаких высокоинтеллектуальных или новых игр я не заметила. Но потом Илай достал свою любимую игрушку – набор пластиковых вафельных рожков и игрушечные шарики мороженого. Спросил друга, хочет ли тот поиграть в продавца мороженого, но Каспер залез за стол и стал играть в свою игру. Которая называлась «Время».

³ В Нью-Йорке есть школы, которые принимают только детей из своего района (zoned schools), а есть те, куда можно поступить независимо от места проживания (unzoned schools). И во втором случае можно выбрать более престижную школу, а не идти в «ближайшую к дому». Но для этого нужно сдать тест на интеллект, набрав определенное количество баллов.

Что с возрастом становится лучше?

Пикники.

Пикники?

У взрослых на пикниках еда вкуснее.

* * *

Сильвия заходит в библиотеку. «Есть предложение», – говорит она. Хочет нанять меня, чтобы я отвечала на ее почту. Из-за подкаста ей приходит слишком много писем. Раньше она отвечала сама, но теперь не успевает.

Я спрашиваю, что там за письма. Разные, отвечает она, но пишут только психи или нытики. Лишние деньги мне не мешают, но я отвечаю, что подумаю. Потому что психов и нытиков в моей жизни хватает и так.

* * *

Первый день весны, причудливые облака, солнце в дымке. Генри опять со своими безумными идеями. Он всегда таким был, но с посторонними сдерживается. А со мной ждет момента и разом вываливает на меня, что накопилось.

– Я тут подумал, Лиззи.

– О чем?

– Что, если в детстве я продал душу дьяволу?

- Ты не продавал душу дьяволу.
- А вдруг продал и не помню?
- Генри, ты не продавал душу дьяволу.
- Но что, если все-таки продал?
- Ладно, допустим, продал; и что ты получил взамен?

* * *

Через несколько дней Сильвия решает повысить ставки. Предлагает ездить с ней в командировки, следить за всем, выполнять самую скучную работу. Но есть подвох: письма в последнее время все больше апокалиптического толка. Куча вопросов о вознесении на небо, ну и про ветряные турбины и налоги на углеродные выбросы. «Хорошо, – говорю я. – Поездим, вспомним старые добрые времена». Зря она назвала подкаст «Огонь, вода и медные трубы». Паникеры в ожидании конца света слетаются на такое название, как мухи на мед.

Я пролистываю папку с вопросами, которые ей прислали. Она их распечатала, как свойственно пожилым – впрочем, она и есть пожилая, наверно.

Кусаются ли комары-роботы? Зачем тревожиться о вымирании видов, раз мы все равно знаем, чем кончится Библия? Почему от самолета в небе остается след? Как последнее поколение людей поймет, что оно последнее?

Сильвия выглядит усталой, с трудом фокусирует взгляд. Она постоянно ездит с лекциями по стране. Надо ей помочь. И я соглашаюсь, говорю, почему бы и нет, конечно.

* * *

Школа Илая огромна, и в этом проблема. Пять этажей. Одних первых классов двенадцать. По звонку учителя выстраивают детей строгими шеренгами. Детская площадка во дворе большая, но примыкает к улице. В заборе дыра, кто-то специально согнул проволоку, и при виде этой дыры мне каждый раз страшно. Весь год я просидела на собраниях комитета, где велись долгие и нудные разговоры о необходимости заделать эту дыру. Я не люблю волонтерство, но работаю меньше родителей-эмигрантов, это уж точно.

Я написала письмо в совет образования. «Просим обратить внимание, что...» И ни ответа, ни привета. Слышала, другой комитет целый год пытался купить саженцы для подговишек. В конце концов им отказали. Мол, это противоречит безопасности.

* * *

В последнее время замечаю, что одеваюсь как студенты из студгородка, а может, это они одеваются как я. Я давно ношу

одно и то же, но мода возвращается, и вот опять вернулась. Я уже такая старая, что теперь иногда задумываюсь, не выгляжу ли по-дурацки, когда делаю что-то, что прежде, в молодости, не привлекло бы внимания. И вот в начале учебного года я пошла и купила себе новой одежды, попроще. Генри говорит, теперь я стала похожа на маленькую серенькую уточку.

Вопрос: Как Божья благодать проявилась в оперении птиц и в облике зверей?

Ответ: У маленьких птиц – самых слабых – перья гуще, чем у крупных. У зверей в холодных регионах шерсть гуще и грубее, чем у обитателей тропиков.

Мне нужно собираться в поездку, но в комнату забралось какое-то насекомое. Я его не вижу, но слышу, как оно бьется о стекло. Наверно, пчела или оса. Застряла меж створками жалюзи. Ловлю ее с помощью стаканчика и картотечной карточки.

В стаканчике тихо. Я выпускаю пленницу в окно, и та улетает; вот оно, счастье.

* * *

Когда мы выходим из кинотеатра, еще светло. Генри встречается с Кэтрин и ее друзьями из рекламного агентства. Она называет их креативщиками, потому что сама не такая;

она из белых воротничков. Белые воротнички. Звучит как название бандитской группировки.

Вижу, что Генри на нервах. «Просто не будь собой», – говорю я. Он тихо смеется. Уходит, ссутулившись и сунув руки в карманы. *Держитесь вместе, вы брат и сестра.* Так мама говорила.

Помню, как в первый раз приготовила ему ужин. Достала курицу из морозилки, сняла отвратительную тонкую пленку. Курица разморозилась, оставив после себя лужу розового сока; я вытерла его губкой. Положила в сковородку и вылила сверху целую бутылку соевого соуса. Через пятнадцать минут мы ее съели.

Все

Материальное

Одушевленное

Разумное

Нематериальное

Неодушевленное

Неразумное

По пути домой слушаю «Огонь и воду». Эпизод про геологическое время. Геолог говорит быстро и за секунду успевает рассказать про миллионы лет. Эпоха птиц прошла, говорит он. Эпоха рептилий тоже. И эпоха цветущих растений. Наша эпоха называется голоцен. «Голоцен» значит «сейчас».

Первая конференция с Сильвией. Описать ее можно одной фразой: толпа ученых разглагольствует о коренных американцах. Среди ученых – ни одного коренного американца.

Племена индейцев считали регион шусвапов прекрасным и плодородным краем. Летом реки кишели лососем, а леса – дичью; зимой питались клубнями и корешками. Племена, обитавшие на этой территории, изобрели различные технологические инновации для освоения ресурсов. Много лет они беззаботно жили в этом краю. Но потом старейшины постановили, что мир стал слишком предсказуемым и в жизни племен совсем нет трудностей. А без трудностей жизнь не имеет смысла. Было решено, что раз в несколько лет деревню нужно перемещать на новое место. Все племя целиком переезжало в новую точку на территории шусвапов и начинало с нуля. Так жизнь снова обретала смысл. Приходилось заново узнавать, где водится лосось, прокладывать новые охотничьи тропы. Все племя преисполнялось новой волей к жизни.

Женщина, которая рассказывала о шусвапах, сама последовала их примеру. Долго жила в Сан-Франциско, а потом переехала в Портленд.

Я стала замечать в работе библиотеки некоторые закономерности и поделилась своими наблюдениями с начальницей. Та работает в библиотеке двадцать лет. Знает все обо всех. Почему именно сегодня сразу три человека зашли и попросили повесить на нашу доску объявления о разведении пчел? Лоррейн пожимает плечами. «Идеи витают в воздухе», – говорит она, а я думаю о листьях, что падают и скапливаются под ногами, но мы не замечаем.

Еще странное за сегодня: моя коллега носит в сумочке свои рентгеновские снимки. Она столкнулась с врачебной ошибкой. Исправить ничего нельзя, зато можно всем об этом рассказать.

Профессор, который всегда был лапочкой, – тот, которого сразу взяли на пожизненную должность, – раньше просто выпивал, а теперь вдруг стал настоящим пьяницей. На прошлой неделе он праздновал день рождения; с вечеринки его пришлось выносить и укладывать в такси. И водителю заплатили заранее, а то бы он не согласился его везти. И это не впервые, говорит Лоррейн. А скоро вечеринка у меня.

У меня есть особая книжная примета, связанная с днями рождения. Накануне я всегда проверяю, что писала об этом возрасте Вирджиния Вульф в своих дневниках. Как правило, это что-то вдохновляющее.

Но бывает и так:

Жизнь, как я повторяла лет с десяти, страшно интересна, а в сорок четыре ее ход убыстряется и все ощущается сильнее, чем в двадцать четыре; подобно тому, как река стремится к Ниагаре – моей новой метафоре смерти, – отчаяние нарастает; жизнь видится активной, позитивной, волнующей, как все вокруг, и кажется очень важным переживанием.

* * *

Я хочу видеть и покупаю телескоп. Я хочу бегать и покупаю кроссовки. Бегу по кварталу, где пахнет помойкой. Сворачиваю на более зеленые улицы. Да, тут определенно лучше. Пытаюсь добежать до парка, но кроссовки оказываются неудобными.

* * *

Про письма я Бену не рассказываю. Знаю, ему эти вопросы не понравятся. Он и так переживает, что религиозные фанатики захватят мир. В стоворе с евреями-христианами.

Один такой по выходным стоит на парковке у «Данкин Донатс». «Простите, можно вас на пару слов? А вы знали, что Иисус был евреем?» – спрашивает он, когда мы проходим мимо. «Да», – отвечаем мы.

И да, мы слышали благую весть. Как и все люди на этой планете, включая охотников-собирателей, которые специально поселились в чаще тропического леса, чтобы никто их не доставал. Хочется, чтобы кто-нибудь наконец признал это, а благая весть оказалась о чем-то другом.

* * *

На холодильнике записка: кончились молоко, сыр, хлеб и туалетная бумага. Обещаю Илаю сводить его в кафе. «С животными вход воспрещен», – гласит табличка на входе в ресторан. «Но разве мы не животные?» – спрашивает Илай. «Не будь занудой», – отвечаю я.

Илай решил, что у него будет двое детей, и тут же поправляется: нет, один, так проще. Заказываем горячие бутерброды с сыром и подслушиваем разговоры людей за соседним столиком. «Ну, и как думаешь, он твоя половинка?» – спрашивает женщина подругу. «Сложно сказать», – отвечает та.

* * *

Когда наступит время смуты?⁴ Великий потоп был на всей Земле или только там, где жили люди? Могут ли домашние животные спастись во Христе и попасть

⁴ Дни бедствий накануне Второго пришествия.

в рай? Если нет, что с ними будет?

Последний вопрос волновал нас больше всего. У нас была кошка; мама разрешила нам с братом придумать ей совместно имя. В итоге ее назвали Стейси Громовержец; мы ее очень любили. Но потом в библейском лагере посмотрели кино. Отец вознесся на небо, и от него осталась лишь жужжащая электробритва. Мы не сомневались, что мама попадет в рай, но что, если мы останемся? Что, если вернемся домой, а там пусто? Встретит ли нас Стейси Громовержец?

«Бог прибрал», – так говорят. Как будто Бог – уборщик с метлой.

* * *

Генри и Кэтрин пришли на ужин. Она принесла букет гигантских подсолнухов, и я пытаюсь найти подходящую вазу. Ее, кажется, пугает, что у нас дома столько книг. «И вы все это читали?» – спрашивает она. А потом заводит разговор со слов: «Мы живем в беспрецедентные времена».

Бен колеблется. У него сложные отношения с технологическим прогрессом. Он программист и пишет развивающие видеоигры. Но кандидатскую защищал по античной литературе. Два года не мог найти работу и научился кодить.

Решаю ответить за него. Припоминаю историю о Лукреции, более-менее подходящую к случаю. Он жил в первом веке до нашей эры, но жаловался, что среди его современни-

ков слишком много бездельников, подверженных страстям. У них то страшная паника, то апатия. Кэтрин смотрит на Генри, потом на меня. «Я имела в виду политику», – говорит она.

* * *

У мистера Джимми бывают приступы говорливости. Сегодня он рассказал, как отвозил старую машину сына на свалку через реку, и там гигантские прессы ее раздавили. «Это надо видеть», – сказал он. Он попытался поднять кусочек сплющенного металла, но тот оказался тяжелым и не сдвинулся ни на дюйм. «А эти машины подняли его, как перышко!» Я говорю, что однажды эти прессы взбунтуются и всех нас расплющат. Ему нравится моя шутка. Он улыбается. «И придет за нами большая клешня», – говорит он.

* * *

Мы с Сильвией идем на шикарный ужин с бизнесменами из Кремниевой долины. Некоторые из них донатят ей на подкаст; она надеется уговорить их спонсировать ее новый фонд. Фонд будет заниматься восстановлением популяций диких животных. Но бизнесменов такие вещи не интересуют. Более перспективно, по их мнению, возрождать потеря-

ные виды. Это можно сделать с помощью генной инженерии, они уже изучают вопрос. Их интересуют лохматые мамонты. И саблезубые тигры.

Почему-то меня сажают далеко от Сильвии. По соседству сидит технооптимист. Он объясняет, что современные технологии перестанут казаться странными, когда поколение, родившееся до их появления, состарится и перестанет на что-либо влиять. То есть умрет, думаю я.

Он говорит, что те, кто сейчас переживает, будто человечество утрачивает некоторые вещи безвозвратно, скоро умрут, а после этого уже никто не будет жалеть о потерянном: все будут помнить только о достигнутом.

Мне кажется, в этом ничего хорошего нет, ведь тогда человечество может развиваться совсем не в ту сторону, а вернуться к прежней жизни будет уже нельзя.

Он не обращает внимания на мои возражения, продолжает перечислять все, что он и ему подобные сделали, чтобы изменить этот мир, и как они еще его изменят. Мол, у нас будут умные дома, скоро все будет подсоединено к интернету и так далее и тому подобное, и не останется уже в мире ни одного человека без соцсетей. Он спрашивает, какая моя любимая соцсеть.

Я отвечаю, что не пользуюсь соцсетями, потому что чувствую себя белкой в колесе. Нет, даже не белкой, а подопытной мышью, которая давит на рычажок и не может остановиться.

Вкусняшка за лайк! Вкусняшка за хейт! Кушай, кушай, моя хорошая!

Он смотрит на меня, и я понимаю, что он видит во мне человека, пытающегося помешать будущему. «Ну если вам *кажется*, что вы сможете и дальше ими не пользоваться, удачи», – говорит он.

Сильвия потом рассказывает, что с ее стороны стола было еще хуже. С ней рядом сидел парень в куртке с утеплителем Gore-Tex и рассуждал о трансгуманизме, о том, что скоро мы все сбросим свои бранные оболочки и станем частью единого цифрового организма. «Они жаждут бессмертия, но не могут прождать десяти минут в очереди за кофе», – говорит Сильвия.

* * *

В группе по медитации новенький; он рассказывает, как жил в монастыре. Мол, там потрясающая атмосфера и это уникальный жизненный опыт. Марго смотрит на него. «В монастыре только приезжие что-то чувствуют, – говорит она. – Сами монахи не ощущают никакой особой атмосферы». Я смеюсь. Ничего не могу поделать; мне смешно. «Сядьте прямо», – осаживает меня Марго резким, как удар кнута, тоном.

* * *

Кажется, своими пробежками и разъездами я окончательно убила колено. Ночью оно разболелось так, что не давало мне спать. Бен настаивает, чтобы на этой неделе я сходила к врачу. Но прежде я осаждаю его расспросами. «А если это подагра?» – «Это не может быть подагра», – отвечает он. «А артрит? В таком возрасте бывает артрит?» Он качает головой. «Артрит бывает совсем у пожилых, и им не заболевают резко».

Ночью мне снится, что я в супермаркете. Играет ужасная супермаркетная музыка. Яркий свет безжалостно бьет в глаза. Я шагаю по проходам, ищу выключатель, но никак не найду. Просыпаюсь с чувством разочарования. А ведь раньше я во сне летала.

* * *

По дороге мистер Джимми меня расспрашивает. А о чем эти лекции? В чем смысл? Нет никакого смысла, отвечаю я. Но вообще-то есть.

Сначала они пришли за кораллами, но я молчал: я не был

*кораллом*⁵.

В клинике врач сгибает и разгибает мне колено. Спрашивает про хронические заболевания. «Например?» – «Например, подагра». – «А как я узнаю, что у меня подагра?» – спрашиваю я с легкой паникой в голосе. «Это ни с чем не спутаешь», – отвечает он. И посылает меня на рентген.

Рентгенолог старше меня; веселая, шутит, что весь день двигает аппарат и потом пошевелиться не может. «Не смейтесь над старой больной теткой, – говорит она. – Все у меня в порядке. Не смейтесь надо мной». Кажется, она пытается показать мне пример: мол, колено и колено, что такого, не надо носиться с ним как с писаной торбой, у всех что-то болит. «Вы точно не можете быть беременны», – говорит она, и это не вопрос. Но на всякий случай надевает на меня тяжелый свинцовый фартук.

Я встаю в три разные позы. Последняя похожа на йоговскую: больная нога согнута и вытянута вперед, опорная прямая. Колено пронзает боль; меня подташнивает. Я опускаюсь на обе ноги, часто моргаю. Рентгенолог стоит за стеклом и продолжает со мной болтать. Потом отправляет меня ждать в маленькую комнатку.

Скоро приходит врач. «Все у вас хорошо, – говорит он. –

⁵ Автор перефразирует знаменитое стихотворение Мартина Нимёллера «Сначала они пришли за коммунистами», которым пытался оправдать бездействие немецких интеллектуалов и их непротивление нацистам.

Волноваться не о чем». Я беру выписку и иду домой. *Остеоартрит, незначительная дегенерация тканей*, написано в ней. В метро гуглю диагноз.

Остеоартрит прогрессирует медленно; боль усугубляется со временем.

Ладно, говорю я себе, без паники. Вечером рассказываю Бену про подагру; пытаюсь шутить, но голос у меня грустный. Отшучиваюсь снова, и вроде получается разрядить обстановку. Но я видела его взгляд. И знаю, о чем он подумал. Вспомнил, как у нашей собаки поседела морда.

* * *

Генри, кажется, и не заметил, что я прихрамываю. Он рассказывает про новую работу; его Кэтрин устроила. Теперь он копирайтер в маленькой фирме по изготовлению поздравительных открыток. Такие открытки, где каждое поздравление прописано очень подробно и конкретно и перечислено все хорошее, что сделал получатель для дарящего.

Сводной тете, которая всегда была рядом...

С пожеланием скорейшей выписки троюродному брату...

Иногда пожелания рифмованные, но обычно написаны белым стихом. Генри платят за слово; чем больше слов, тем выгоднее. И все равно он уже успел поспорить с боссом про

разницу между сантиментами и сентиментальностью.

С начальством лучше не спорить, советует Кэтрин.

* * *

Утром адъюнкт-профессор заходит поздороваться. Он бледный. Небось опять продает свою плазму. Вчера его класс оказался закрыт; пришлось час ждать в коридоре, пока кто-нибудь придет и отопрет дверь. Студенты к тому времени разошлись. Но он уже спокойнее реагирует на такие вещи. Сначала обижался, что никто из студентов и коллег не помнит его имени и приходится вызывать охрану, чтобы попасть к себе в кабинет. Но повседневная жизнь с каждым днем вызвала все больше недоумения и не подчинялась никакой логике; он привык, и теперь это его уже не тревожит.

Вопрос: Объясните философию капитализма.

Ответ: Двое туристов видят впереди голодного медведя. Один надевает кроссовки. «Ты не сможешь обогнать медведя», – шепчет его приятель. «Мне просто надо обогнать тебя», – отвечает первый.

Дома Илай смотрит интервью с людьми, которые хотели бы отправиться в невозвратную экспедицию на Марс. Похоже, для одного участника это новый оригинальный способ сбежать от жены и детей. Трудно, конечно, оставить семью навсегда, ведь он никогда не познакомится с будущими вну-

ками. Зато войдет в историю и увидит то, что прежде не видел никто. Жена и дети не одобряют его идею. Боятся, что по телевизору покажут, как он умрет.

Вдох – я знаю, что старение – природный процесс.

Выдох – я знаю, что никто не избежит старости.

Вдох – я знаю, что болезнь – природный процесс.

Выдох – я знаю, что никто не избежит болезни.

Вдох – я знаю, что смерть – природный процесс.

Выдох – я знаю, что никто не избежит смерти.

*Вдох – я знаю, что однажды мне придется
отпустить всё и всех, кого я люблю.*

Выдох – я знаю, что не смогу взять их с собой.

Всё и всех, кого я люблю? Серьезно? А есть версия для начинающих?

* * *

Наркодилер из квартиры 5С не перестает меня удивлять. На вид толстый и заспанный, а рефлексy молниеносные. Сегодня у меня порвался пакет с продуктами, и он поймал на лету стеклянную бутылку масла. А могла бы разбиться. У него красивая собака, короткий рваный шрам на шее и маленькая дочка, но она с ним не живет. Я как-то спросила его, вырос ли он здесь, в нашем районе; он улыбнулся и покачал головой. Мы много переезжали, ответил он. Жили то тут, то там.

Очередная конференция, на этот раз на Среднем Западе. Сильвия читает лекцию, а я сижу в первом ряду и держу ее сумочку, как положено помощнице. Она рассказывает о книге «Природа и тишина». Нет никаких высших и низших существ, говорит она. Все одинаково высокоразвиты.

Мы, люди, считаем себя вершиной эволюции лишь по одной причине – определенные признаки ценятся у нас выше остальных. Например, если бы мы ценили обоняние, собаки считались бы более высокоразвитыми существами. Ведь у них триста миллионов обонятельных рецепторов, а у нас – только шесть миллионов. А если бы у людей ценилось долголетие, не было бы в наших глазах существа более высокоразвитого, чем сосна остистая: эти сосны живут несколько тысяч лет. Или взять банановых слизней: те существенно превосходят нас по части либидо. Они гермафродиты и спариваются три раза в день.

После лекции у зрителей много вопросов. Кто-то настроен дружелюбно, кто-то нет. Но Сильвия настаивает, что в людях по сравнению с другими видами нет ничего особенного. «Мы только в двух областях отличились: потоотделение и дальность броска», – говорит она.

Я сижу на скамейке в парке; рядом чей-то салат, выпавший из сэндвича. Я его убираю, и мне становится против-

но. По пути домой не замечаю ничего вокруг, не смотрю ни вниз, ни вверх. Кажется, сквозь кроны деревьев пробивался зеленоватый свет, но я не уверена.

Что такое наноколибри? Что такое роборыба?

* * *

Дома собака на кухне мусолит косточку из сыромятной кожи; от нее остались слюнявые ошметки. Мама однажды сказала, что у каждого предмета и существа есть два имени. Имя, известное всему миру, и еще одно, тайное, которое хранится в секрете. Но если назвать человека или зверя этим именем, он откликнется, потому что так его звали в Эдемском саду. Я пытаюсь вычислить тайное имя нашей собаки, но, кажется, его у нее нет.

* * *

Первые литературные чтения в этом году проводит профессор английской литературы, недавно вылечившийся от алкоголизма. В реабилитационном центре он писал стихи. Одно стихотворение написано от имени шляпы на голове красивой женщины. Закончив читать, он объясняет присутствующим, среди которых есть его студенты: «Я пишу о шляпе, хотя сам никогда не был шляпой». После чтений мы укла-

дываем в коробки нераспроданные книги, и я нахожу карточку, которую кто-то для него оставил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.